

ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА СТРАДАЮЩЕГО
В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА

Е. В. Гафурова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 21 мая 2020 г.

Аннотация: настоящая статья посвящена осмыслению феномена страдания в творчестве русского философа И. А. Ильина. В работе анализируются религиозно-философские взгляды ученого, сформировавшиеся под сильным влиянием философии Г. В. Ф. Гегеля. Понятие страдающего человека рассматривается в контексте философского осмысления истории во французском неогегельянстве.

Ключевые слова: страдание, И. А. Ильин, русская философия, французское неогегельянство.

Abstract: this article is dedicated to understanding the phenomenon of suffering in the works of Russian philosopher I.A. Ilyin. Religious and philosophical views of I. A. Ilyin inspired by the philosophy of G.F.W. Hegel are analyzed. The concept of suffering man is considered in the context of philosophical understanding of history in French neo-Hegelianism.

Key words: suffering, I. A. Ilyin, Russian philosophy, French neo-Hegelianism.

В истории русской философской мысли И. А. Ильин известен, прежде всего, как религиозный мыслитель в области права и этики. Он является ярким представителем гегельянства в России, обратившим внимание на иррациональный аспект в самораскрытии Абсолютного духа. И. И. Евлампиев отмечает: «Он отвергает поверхностное представление (сторонником которого был, например, Вл. Соловьев) о том, что основа системы Гегеля – абсолютный рационализм и логический формализм. Понять Гегеля трудно как раз потому, что абстрактное мышление вовсе не является единственной основой его философии» [1, с. 104].

Особое внимание при изучении философии Гегеля И. А. Ильин фокусирует на таких проявлениях жизни, как страдание, смерть, отчаяние и трагизм. Обращение к ведущей роли негативности в самораскрытии Абсолюта плавно вытекает из самой системы Гегеля: «Иное, отрицание, противоречие, раздвоение – всё это принадлежит, следовательно, к природе духа. В этом раздвоении содержится возможность страдания» [2, с. 41]. Стоит отметить, что такой акцент на негативности характерен для Ж. Валя и А. Кожева. И. А. Ильина сближает с французскими неогегельянами интерпретация гегелевской философии в духе экзистенциализма, внимание к отдельной личности, неповторимости переживаемого исторического события.

В произведении «Религиозный смысл философии» И. А. Ильин называет страдание даром, который оказывает на душу человека нрав-

ственный эффект, помогает преодолеть дурные помыслы, возвыситься над житейскими трудностями: «Страдающий человек вступает на путь очищения, самоосвобождения и возврата в родное лоно – знает о том, или не знает. Его влечет в великое лоно гармонии; его душа ищет нового способа жизни, нового созерцания, нового синтеза, созвучия в многозвучии. Он ищет пути, ведущего через катарсис к дивному равновесию, задуманному лично Творцом» [3, с. 112]. Негативность всегда несет в себе творческий импульс, как для отдельной личности, так и для развития государства.

И. А. Ильин делает акцент на неповторимом переживании страданий для отдельного человека, так как сердечные переживания всегда носят субъективный характер: «Чем утонченнее человек, чем чувствительнее его сердце, чем отзывчивее его совесть, чем сильнее его творческое воображение, чем впечатлительнее его наблюдательность, чем глубже его дух – тем более он обречен страданию, тем чаще его будут посещать в жизни боль, грусть и горечь» [там же, с. 113].

Важно отметить, что И. А. Ильин разделяет страдания на физические и духовные: физические лишения укрепляют тело и воспитывают мужественность, а духовные утверждают нравственное начало в человеке.

Но в чем же причина таких сильных страданий? Возможно ли избавление от них? На эти вопросы И. А. Ильин дает ответ, опираясь при этом на «Феноменологию духа» Г. В. Ф. Гегеля. На уровне единичного человека страдание проявляется в виде субъективного чувства злого рока судьбы, в боли, в сердечных муках, в утрате чего-то важного для отдельного человека, в тоске и грусти. Причиной всех этих бед является разделённость эмпирического «Я» в человеке с законом Всеобщности, или с божественным законом [там же].

В этом проявляется двойственная природа человека: с одной стороны, он подчинен животным инстинктам, но с другой – в человеке существует стремление к высшим идеям и целям. И. А. Ильин полагает, что страдание оберегает человечество от полнейшего нравственного падения, так как благодаря нему человек преодолевает в себе грубые животные страсти.

В произведении «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» И. А. Ильин анализирует страдания человека в мире, уже лишённого неповторимой единичности. Этот человек растворяется в историческом процессе. Как отмечает И. И. Евлампиев: «Некоторые подходы к новым идеям мы уже обнаружили в ранних работах Ильина, однако наиболее полно и глубоко они отразились в книге о Гегеле, где Ильину удалось не просто дать оригинальную трактовку отдельных мыслей великого немецкого философа, но создать целостную систему, в которой переоценка гегелевского наследия привела к построению совершенно нового и оригинального философского мировоззрения, описывающего трагическую судьбу человека в мире, трагичную судьбу всего мироздания» [1, с. 101]. Таким образом, страдание всегда имманентно присутствует в человеческой повседневности.

И. А. Ильин связывает страдания отдельного человека с божественным страданием, проецируя при этом человеческие муки на самораскрытие Абсолюта [4, с. 348]. Страдание становится точкой сборки человеческой субъективности, именно оно объединяет человека и Абсолюта: «В самой сущности Божества скрывается нечто такое, что превращает путь Божий в тропу непобеждающего страдания и что налагает печать безвыходности на человеческую жизнь и ее смысл» [там же, с. 469]. Здесь можно отметить неповторимую новизну религиозно-философской мысли И. А. Ильина, получившей своё выражение в концепции тотальности страдания.

Примирение со Всеобщим законом невыносимо тяжело для человека. Снятие индивидуальной субъективности для становления безликим субъектом истории связано с принятием всеобщих ценностей и идей как собственных. И. А. Ильин отмечает великий трагизм судьбы человека, так как в нем всегда скрыто присутствует тоска по всеобщему, а также желание жить неповторимой индивидуальной жизнью.

«Проблема “человека” есть как бы сосредоточенная проблема “действительного мира”, ибо человек есть Божественное в эмпирической, конечной форме. Все нити и узлы мировой трагедии сходятся в нем и находят свое разрешение. Человек есть тот центральный пункт мира, где страдания божественного начала достигают своей вершины и находят себе выход в абсолютную свободу» [там же, с. 280]. Таким образом, эта пропасть между конечным человеком и бесконечным Абсолютом преодолевается, и происходит принятие судьбы на уровне отдельного человека. Философское осмысление исторических событий позволяет видеть в них раскрытие воли Бога (Абсолюта), которое не освобождает человека от страданий на уровне субъективности: «Быть человеком – значит иметь ограниченный дух и ограниченную перспективу жизни; и человечество несет бремя этого предела так же, как индивидуальный человек. Быть человеком – значит в страдании достигать и в страдании не достигнуть» [там же, с. 468]. Можно заключить, что такая разорванность человеческого и божественного как раз и является тем, что И. А. Ильин понимает под «несчастливым сознанием человека».

Как же возможно преодолеть в себе эту внутреннюю противоречивость, стать цельным человеком? По мнению И. А. Ильина, «человек, находящийся в состоянии внутреннего раскола, есть несчастный человек» [5, с. 13].

Большое влияние на философию И. А. Ильина оказали произведения христианских мыслителей, поэтому осуществить снятие несчастного сознания, по его мнению, представляется невозможным, а для примирения со своей судьбой необходимо совершать молитву и заботиться о ближних.

И. А. Ильин предлагает воспитывать особую чувствительность к страданиям других людей с детства: «Ребенок должен как можно раньше почувствовать реальность чужого старания и научиться вчувствоваться в него, чтобы жалеть, беречь и помогать и идти на деятельную помощь» [там же,

с. 12]. Доброе и отзывчивое сердце к переживаниям и боли других людей развивает лучшие человеческие качества, приближает его к изначальному замыслу Творца о человеке.

Теперь необходимо обратиться к французским неогегельянцам Ж. Валью и А. Кожеву, которые, как И. А. Ильин, опираются на «Феноменологию духа» Г. В. Ф. Гегеля. Следует сказать, что мы выделили этих французских философов не случайно, поскольку именно они делают акцент на антропологической проблематике в философии Гегеля, а также на негативности в становлении Абсолютной идеи [6]. Многие философы, которые обращались к гегельянской философии, не исследовали экзистенциальные и иррациональные начала, скрыто присутствующие в ней. Например, С. Жижек [7] обращается, прежде всего, к политической сфере, Ж. Лакан [8] осмысляет концепт желания, а аналитический прагматизм в лице Р. Брэндома [9] изучает совсем другие проблемы в философии Гегеля.

Французский неогегельянец Ж. Валь утверждает, что Гегель рассматривает всю историю человечества через концепцию христианской драмы: «Сущностью христианства, как скажет Гегель позже, является идея примирения; но эта идея является здесь идеей примирения, которое еще не достигнуто, хотя благодаря этим страданиям оно становится возможным; примирения, которое является разделением, разрывом» [10, с. 80]. Таким образом, для Ж. Валья примирение носит характер созидательного согласия с вечным раздвоением *Я* на эмпирическое *Я* и Всеобщее. Этот процесс разворачивается в историческом бытии человека. Можно заключить, что для философии истории Ж. Валья характерны процессуальность и незавершенность исторического мира.

Ж. Валь, как и И. А. Ильин, отождествляет человеческое страдание с божественным, т. е. сам процесс страдания имеет в себе диалектический характер – момент негативности и позитивного мышления: «Посредством бесконечного страдания разум осознает свою бесконечную негативность, раскрывает ее и раскрывается сам как нечто позитивное. Страдание души – это свидетельство разума» [там же, с. 128]. Оба философа сходятся в идее о единстве и конкретности Бога и человека: «Благодаря идее Бога, который живет и умирает, мы имеем идею всеобщего конкретного, идею того единства конечного и бесконечного, которая является жизнью» [там же, с. 129].

Другой французский неогегельянец А. Кожев осмысляет философскую систему Гегеля в антропологическом ключе и отрицает всякую возможность примирения между животным «Я» и волей Абсолюта: «Религиозный человек выбирает между двумя *Я*; он их не смешивает: он делает выбор, выбирая *Я* потустороннее» [11, с. 79]. А. Кожев называет религиозное сознание рабским, так как оно еще нуждается в господине в лице Бога. Если Кожев интерпретирует философию истории Гегеля с атеистических позиций, И. А. Ильин действует прямо противоположным образом. Он обосновывает гармонию между знанием и верой. Чело-

век, по А. Кожеву, для обретения абсолютного знания должен сам стать «смертным богом», преодолев разорванность сознания. Тем самым произойдет снятие религиозного мировоззрения философским мышлением. Для И. А. Ильина же, признавшего правомерность интуитивного познания и значимость религиозного опыта, религия и философия гармонично сосуществуют.

А. Кожев иначе понимает ««Феноменологию духа» Гегеля, привнося в систему Гегеля собственное прочтение смыслов. Во-первых, философия является завершающим этапом раскрытия Абсолютной идеи, религии же отводится второстепенная роль в ходе развития исторического процесса. Во-вторых, христианское сознание считается одной из форм несчастного сознания, требующего своего снятия в атеистическом мировоззрении. В-третьих, раб-труженик преобразует жизненное пространство, находясь в диалектической зависимости с господином. «И только превосхождение наличных обстоятельств с помощью отрицания, сокрытого в труде и трудом реализуемого, позволяет человеку не утратить связи с конкретным, с тем, что различается во времени и пространстве. И поэтому, изменяя Мир, он меняется сам» [там же, с. 227]. Человек же страдающий останется лишь историческим образом, характерным для определенного промежутка времени.

Итак, можно выделить ряд характерных особенностей, определяющих философию И. А. Ильина среди таких гегельянцев, как Ж. Валь и А. Кожев. Во-первых, религиозное сознание является созидательным началом в жизни человека, оно не противопоставляется философии, а мирно сосуществует с ней. Во-вторых, христианское мировоззрение является предельным воплощением Абсолютной идеи. В-третьих, страдания человека укрепляют нравственное начало, позволяют человеку из мира животного (природного) перейти в мир исторический (социальный). В-четвертых, страдание является экзистенциалом человеческого бытия, диалектически связанным с трагизмом разворачивания Абсолютной идеи. Важно отметить, что И. А. Ильин фокусируется на нравственном аспекте страдания, тогда как в работах Ж. Валя и А. Кожева этому аспекту не придается столько внимания. Фиксация на индивидуальных переживаниях отдельного человека сближает философию И. А. Ильина с христианским персонализмом. Это связано с сильным влиянием личной убежденности И. А. Ильина в истинности религиозного мировоззрения: преобразование жизненного мира совершается человеком страдающим, уповающим только на милость Творца. Таким образом, в философии И. А. Ильина конкретно Всеобщее тесно связано с конкретным единичным через экзистенциал страдания.

Литература

1. *Евлампиев И. И.* Иван Ильин. Мыслители прошлого / И. И. Евлампиев. – СПб., 2016. – 212 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб., 1992. – 444 с.

3. Ильин И. А. Религиозный смысл философии / И. А. Ильин. – URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_religioznyj_smysl_filosofii.pdf
4. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И. А. Ильин. – СПб., 1994. – 541 с.
5. Ильин И. А. Путь очевидности / И. А. Ильин. – М., 2017. – 194 с.
6. Чепурин К. В. Место антропологии в системе философии духа Г. В. Ф. Гегеля : дис. ... канд. филос. наук / К. В. Чепурин. – М., 2011. – 186 с.
7. Жижек С. Щекотливый субъект : отсутствующий центр политической идеологии / С. Жижек. – М., 2014. – 528 с.
8. Lacan Jacques. Desire and its interpretation : the Seminar / Jacques Lacan ; trans. by V. Fink. – Oxford, 2019. – 568 p.
9. Brandom R. A Spirit of Trust : a Reading of Hegel's Phenomenology / R. Brandom. – Harvard : Harvard University Press., 2019. – 856 p.
10. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / Ж. Валь ; пер. с фр. В. Ю. Быстрова. – СПб., 2006. – 334 с.
11. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / А. Кожев ; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб., 2013. – 792 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

*Гафурова Е. В., аспирант кафедры истории русской философии
E-mail: katrin.gafu@mail.ru*

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

*Gafurova E. V., Post-graduate Student of the History of Russian Philosophy Department
E-mail: katrin.gafu@mail.ru*